

Андрей Ястребов

Тематологическое исследование литератур: стратегия минимизации семантических аббераций в контексте проблемы интеграции культур

Необходимость изучать историю литературы в самом широком культурном контексте давно осознана и теоретически обоснована литературоведческой наукой с различных методологических позиций. Тематологический подход позволяет выявить своеобразие европейских литератур, обнаружить черты их общности, соотнести с многообразными социальными отношениями и социокультурным контекстом. Литературные тексты становятся основой построения системы представлений нации о мире, воплощенной в эволюционирующих жанрах, стилях, темах.

Тематологическое исследование позволяет рассмотреть изобразительно-репрезентативный, философский и этико-эстетический планы текстов с точки зрения особых соотношений, зачастую затруднительных и бесперспективных для иных подходов. Инструментальный уровень тематологического подхода связан с извлечением ядра темы (образа, мотива); поисками текста-посредника; обнаружением явных и латентных соответствий между цитируемым и цитирующим текстами; определением мифообразующего потенциала цитируемого текста; исследованием траектории его движения в литературе; изучением феномена интеграции культур, который воплощается в пересмотре известных мифов либо убежденности в их искренности.

Извлечение ядра темы. Рассмотрим данный аспект на примере издержек сепаратного восприятия текста. Культурная квалификация студента, как и любого человека — это не столько количество прочитанных книг, и не только их качество, что тоже немаловажно. Не менее значимым является последовательность чтения. Классический портрет современного российского школьника 90-х годов: школьная программа, последовательно излагающая литературный материал, уже в девятом классе начинает настойчиво пренебрегаться. Ученик открывает для себя *Мастера*

и *Маргариту* М. Булгакова. В культурном багаже школьника оказывается весьма хаотическое богатство: русские сказки, легенды Древнего мира, рассказы русских и зарубежных писателей. Факультативно прочитанный Булгаков перечеркивает последующие тексты, рекомендуемые программой и учителем. „Подростковое” обаяние книги Булгакова максимально соотносится с запросами ученика, с его желанием познакомиться с базовыми вопросами бытия, изложенными в адаптированном виде.

В результате *Мастер* воспринимается исходной точкой оценки классических текстов, единственная вина которых заключается в том, что они волею судеб не вошли в репертуар юношеских предпочтений. Ассортимент классических произведений становится неоправданно непропорциональным: читательские интересы школьников ориентированы на булгаковскую мистику, в результате жертвой становится корпус реалистических произведений. После *Мастера* и *Маргариты* Л. Толстой кажется скучным моралистом, непосильной задачей становится чтение Ф. Достоевского, чеховские конфликты видятся архаичными и беспроблемными, произведения М. Горького — тяжеловесными. В итоге нарушается логика движения и понимания словесности. Роман Булгакова превращается в парадигму идентификации фактов культуры.

Это вовсе не означает, что следует принять запретительные меры по отношению к Булгакову, или предлагать его в качестве обязательного текста как можно раньше — в средних классах: пусть все цветы цветут и пусть как можно больше книг будет прочитано нашими учащимися и студентами. Решение проблемы не должно быть радикальным, сам вопрос более широк, так как связан с этикой и эпистемологией рецепции культуры: он затрагивает проблему читательского вкуса, композиции понимания культуры, логики интертекстуального постижения художественных ценностей.

Понимание данной коллизии чрезвычайно важно для университетского преподавателя. Следует подготовить к столкновению с этой проблемой студента педагогического вуза — будущего учителя. Для этого необходимо предложить ему научный инструментальный анализ, научить вписывать роман М. Булгакова в широкий контекст европейской культуры, соотносить тексты; в частности, объяснить, что роман *Мастер и Маргарита* является синтезом наиболее эффективных литературных явлений, восходящих к Библии, рыцарскому роману, романтической фантастике Гофмана и Гоголя. Иными словами, надобно вскрыть генезис литературного феномена, предложить код чтения, связать с предшествующей литературной традицией и проследить дальнейшую философско-эстетическую судьбу романтических тенденций, абсолютизированных М. Булгаковым.

Поиски текста-посредника, обнаружение явных и латентных соответствий между цитируемым и цитирующим текстами... Если к анализу *Мастера* применить методику тематологического исследования, выбрать в качестве доминантной наиболее эффективную тему „Рукописи не горят”, то откроются весьма примечательные перспективы интерпретации текста. Анализ темы урагана, предсказанного древним текстом, в финале романа Г.Г. Маркеса *Сто лет одиночества* позволит перейти на уровень понимания проблемы вечно существующих рукописей. *Вавилонская библиотека* Х.Л. Борхеса переведет вектор исследования в новое пространство осмысления литературных явлений XX века. *Имя розы* У. Эко —

полемический по отношению к Булгакову текст — бескомпромиссно объяснит, что успешней всего в этом мире горят рукописи.

Подобный подход, может показаться, призван разрушить привлекательность текста М. Булгакова. И все же соотнесение некоторых тематических решений М. Булгакова с знаковыми явлениями мировой словесности не приведет к инфляции ценностного потенциала классического произведения, напротив, позволит прочитать *Мастера и Маргариту* как общеевропейский художественный феномен.

Главенствующей целью подобного подхода становится интеграция Булгакова через анализ одной или нескольких тем его романа в контекст мирового литературного процесса. Итоговые выводы тематологического прочтения позволяют „растворить” роман в культуре и сформировать тип ответственного и квалифицированного читателя, способного возвыситься над юношескими симпатиями, затрудняющими квалифицированное восприятие культуры. Задача не сводима к разрушению читательского мифа. Она связана с расширением образовательно-педагогического контекста, с умножением ассортимента читательских предпочтений и интерпретаций. И в этом смысле тематологический подход может отчасти преодолеть рецидивы романтической рецепции.

Безусловно, текст Булгакова взят в качестве наиболее выразительной иллюстрации бессистемного восприятия культуры. Примеров некорректно прочитанных книг российскими школьниками и студентами можно привести не мало. Предупреждая вполне закономерный упрек в морализаторстве и желании обучить чтению людей, искренне дружащих с литературой, необходимо развить мысль в русле интертекстуального подхода к словесности. Популярны в последние годы романы М. Кундеры, М. Павича, Х. Мураками воспринимаются даже в среде студенчества как феноменальные и беспрецедентные открытия. Нет потребности разрушать восторженное к ним отношение. Задача в ином — предложить „профессиональному” читателю — студенту-словеснику — шифр восприятия через отмеченную выше методику тематологического анализа, доказывающего невозможность сепаратного прочтения того или иного автора.

Например, чтобы понять пьесы М. Горького, следует иметь хоть некоторые представления о философии Ф. Ницше. Читать М. Кундере без обращения в тематике экзистенциальной и фрейдистской литературы — означает игнорировать в его книгах магистральные темы. Забывать о Мелвилле, Достоевском, Басё, Акутагаве, сталкиваясь с Мураками — занятие простительное для любителя, но не студента педагогического института. Профессиональное чтение — это поиски выходов из лабиринтов интертекстуальных смыслов, опознание тем и вскрытие мотивов, известных по иным литературам. Данная мысль настолько известна и прозрачна и, главное, не единожды доказана литературой второй половины XX века, что комментировать ее излишне. Видится необходимым проиллюстрировать ее на конкретных примерах обучения студентов-словесников методике тематологического зондирования текстов.

Современный российский студент любит читать Хемингуэя и Маркеса, воспринимает произведения писателей в качестве герметичных структур, восхищается лаконизмом первого и метафорикой второго, не утруждая себя задачей расширить представление о генезисе их художественных манер. Важным этапом тематологического исследования становится поиск текста-посредника. Базовый вариант

разнообразных инструментальных решений заключается в следующем: любой текст необходимо соотносить с мощной культурной аурой европейской традиции. Чтобы русский читатель смог понять американского или колумбийского писателя, следует посмотреть на их произведения, к примеру, „глазами” идей Сартра. Сартровские темы „любовь = убийству”, „ничто — цена победы” просвечивают в повести *Старик и море*: „я люблю тебя, рыба, поэтому я должен тебя убить”; победитель-старик, как и многие другие персонажи Хемингуэя, „не получает ничего”. Тема тотального одиночества, как неспособности перейти от „бытия-к-себе” к „бытию-к-другим”, становится определяющей в романе *Сто лет одиночества*. Если игнорировать этот феномен, то экзистенциальный образ, вынесенный в название романа, будет прочитан не более чем эффектная романтическая метафора.

Поиск текста-посредника не сводим к констатации и описанию близкого тематического материала. Важным и концептуальным становится извлечение апробированных предшественниками тем и идей из-под покрова самых причудливых художественных построений.

Определение мифообразующего потенциала текста; исследование траектории движения темы в литературе. Неисчерпаемые перспективы тематологического подхода к литературе обнаруживаются при анализе культурно-этнических мифов само- и идентификации. Отсутствие точных методик опознания соседа приводит к формированию обобщенных формул, сомнительных, с точки зрения верности, но привлекательных в качестве знаковых портретов этноса. Обратимся к повседневной мифологии Европы, настойчиво убеждающей, что русский человек и пьянство — понятия синонимичные. Статистика, переводящая выпитое спиртное на язык „чистого алкоголя”, полемизирует с этой убежденностью: с высоты питейных страстей испанцев интерес русских к крепким напиткам кажется невинными играми. И все же титул „горьких пьяниц” сохраняется за русскими.

Феномен любви русского человека к водке объясняется и самоощущением литературы, и искаженным видением русского героя в западной культуре. Фрейд и Ницше в качестве иллюстраций самых экстремальных способов миропонимания избирают героев Достоевского. Запад сталкивается с загадкой русской души, убежденной, что именно ей доверено расшифровать тайну отношений Бога и человека, артистически осваивающей любую проблему, не жалея ни себя, ни мир. Фрейдизм и ницшеанство дали описание явления, соотнесли его с философскими категориями, близкими разуму и духу Запада, однако не смогли предложить убедительного объяснения природы широкой и загадочной русской натуры.

Прагматическая мысль Запада стремится все уложить в систему привычных знаков описания и понимания, оперирующую четкими моральными императивами. И неожиданно открывается формальная истина, очень удобная для прочтения бесконечности русского духа — он иной потому, что он всегда пьян. Размах его пространственно-временных метаморфоз измеряется выпитым спиртным, естественным, как восход солнца, и привычным, как дыхание.

Носителем „пьяного сознания” оказывается уже не сам драматический сюжет, а система риторических решений, оформляющих этот сюжет. Достаточно соотнести рассуждения Мармеладова с мыслями Рогожина, Мышкина, Карамазовых, чтобы убедиться в идентичности используемых героями содержательных и стилистических формул. Запад бессознательно приходит к мысли, что природа экзотической

русской души основывается на риторике персонажей и авторов, которую можно назвать и философско-психологическим томлением от нерешенности величайших вопросов мира, и болью от созерцания человеческого несовершенства, и пьяной исповедью демонических натур, опрокидывающих навзничь все без исключения бытийные нормы. Кричащий, бьющийся в конвульсиях дух находит прописку в риторике культуры. Торжествует эффект бесконечного поиска, переходящего в сомнение, а затем в убежденность, и никогда не примиряющегося с очевидностью, напрочь отвергающего компромисс.

З. Фрейд и Ф. Ницше экспортировали психологический опыт романов Достоевского, сделали из его героев пожирающих самих себя и отрицающих мир монстров, удобных в качестве иллюстрации экстремальных проявлений человеческого духа и философии. Стереотип восприятия русского они создали настолько убедительно, что в XX веке даже таким отъявленным пьяницам, как персонажи Ремарка и Хемингуэя, не приходит на ум оспорить у русских героев право называться самыми нетрезвыми.

Следует отметить еще одно обстоятельство, касающееся проблемы искусственной „алкоголизации” персонажей русской классической литературы. Сама культура поддерживает и лелеет мифологию пьющего народа. Достоевский, испытывая влияние классического античного диалога, создает полифонический роман, основным определяющим качеством которого становится пересечение покаянных признаний персонажей. Библейские и житийные реминисценции объединяются в характерах героев, переплетаются с их желанием понять мир, дополняют их стремление к бунту или к его инсценировке.

Обращение писателя к традициям житийной литературы приводит к перегруженности произведений приемами, создающими двойную жанровую природу представления о мире. „Я” персонажа в итоге предстает и как субъект жизненного действия и как объект; настоящее переживается в попытках вступить в диалог с собственными двойниками, представленными миру в завершенном, философски итоговом виде. Герой по отношению к миру становится одновременно и пассивным участником событий, и создателем новых форм их интерпретации. Стремление к философской и эстетической исчерпанности оказывается для персонажей нереализованным. Сама конфигурация пространства — лабиринт, в котором они принуждены проговаривать-проживать себя, приобретает метафизический характер.

Пьянство создает иллюзию освобождения от гипнотического воздействия социальных институтов, придает бесконечным проблемам ощущение относительности. „Пьяное” сознание совершает над реальностью провокационную шутку, оно истолковывает мир как набор свободных друг от друга понятий, разряженных по смысловой плотности, утверждает, что исключительно импровизационное мышление способно возратить каждому элементу ощущение той или иной его значимости.

Создается ситуация, когда частность, самая банальная и микроскопическая по значимости, начинает претендовать на статус общей формулы непонимания; раздражители уходят в контекст и их внешнее отсутствие ставит под сомнение все то, что угнетало сознание трезвого человека. Создаются новые правила коммуникации героя с миром. Законы существования превращаются в набор ничтожных условностей, страхи отступают, оставляя человека наедине с его эмоциональным опытом и бессознательно забываемым источником раздражения.

Чтобы быть адекватными ситуации, герои надевают шутовские маски, риторикой юридических экспериментируют с миром, цинической откровенностью форм самовыражения переходят границы критики человека, обращаются с инвективами к самому господу Богу. Этот акт философского всеоголения, само- и мироотрицания представляет обществу изнаночную сторону души героев. И Свидригайлов, и Лужин, и Смердяков вдохновенно высказывают бескомпромиссные „истины“. Конкуренция „правд“ становится настолько обостренной, а аргументы такими убедительными, что читателю очень сложно принять что-либо одно, отвергнув оставшееся. Безумство философских предположений отправляет героев Достоевского в путешествие по жанру исповеди, в которой исходной точкой становится некая непроявленная норма существования, а итоговой — наказание всех участников событий, включая самого автора и даже читателя.

Данная философская доктрина „нетрезвых“, с точки зрения эстетической традиции и философских стандартов, души и слова перейдет по наследству мифологии повседневности XX века. Пьяный бред словесного существования несет героя В. Ерофеева по реальности, условно отмеченной маршрутом электрички *Москва — Петушки*. Память жанра диктует ассоциации со Стерном, Карамзиным, Гоголем, Пушкиным и, конечно же, с Достоевским, текст которого вызывает к жизни философские построения Ницше, Фрейда, Камю, Сартра. Для западного читателя эксперимент Ерофеева, без сомнения, восходит именно к ним, а через них — к Достоевскому.

Сама проблематика затрагиваемая Ерофеевым вроде бы понятна любой иноязычной культуре (пьют везде), однако остается малопонятной для Запада нетрезвая риторика писателя, рисующего в юридико-покаянных интонациях Достоевского путь пьяной души по миру. Запад вновь и вновь пытается постигнуть странную русскую душу, причудливость которой рождена, как оказывается, не любовью к водке, а страстью к риторическим экспериментам.

Пересмотр сложившихся представлений либо убежденность в их искренности. Приведенный пример позволяет указать на генезис и перспективы риторического решения темы пьянства. Тематологическое соотнесение литературных текстов расширяет представление о собственной и иноязычной культуре, приводит к некоторым, отчасти претендующим на универсальность, выводам, решающим проблему взаимодействия культур и судеб европейцев.

Тематологические исследования, являющиеся частью компаративистики, включают сравнительное изучение темы, идеи, образов, стилей, структур. Для тематологии основными становятся вопрос источников и влияний, проблема заимствований, преемственности и последовательности связей, значение традиций, выявление специфики и оригинальности произведений, отмеченных близкими чертами. Задача тематологического исследования — показать непрерывность традиции, своеобразие каждого произведения, изучить влияние одних текстов на другие. Необходимо отметить, что тематологическое исследование не ограничивается изучением тем, оно отмечено самым расширительным толкованием входящих в текст смыслообразующих компонентов, включает мотивы и сюжеты, которые являются знаками, обуславливающими действие в рамках темы, конкретизируют и обобщают мотивировки. Не менее целесообразно изучать идеи, которые становятся темами произведений.

Если попытаться обобщить доминантные аспекты названного подхода к изучению литературы, то прежде всего следует выделить типологию тем. Для понимания культуры XX столетия наиболее важными видятся *темы, восходящие к фундаментальным мифологическим ситуациям*: жертва, неверность, месть, красота, ревность, персонифицированные в образах Прометея, Нарцисса, Кентавра, Елены Прекрасной. К приведенным темам из Античности необходимо присовокупить и библейские — испытания, исхода, жертвоприношения, протеста: Авраам, Исаак, Противоречащий. Указанные типы, охватывающие мифических героев и сверхчеловеческие действия, являются в действительности темами, конкретизированными в героях. К ним отчасти примыкают образы, возникшие на пересечении Библии, народных преданий, беллетристики — Фауст, Дон Жуан.

Иная категория тем, условно обозначаемая как „Гений места“, связана с географическими топосами, наиболее часто встречающимися в европейских литературах — Рим, Венеция, Варшава, Москва, Париж. Здесь важными становятся следующие аспекты: выявление своеобразного положения города в литературной мифологии; эволюция городского топоса, столица глазами горожан, провинциалов и иностранцев; символические акценты в художественной реконструкции города — ратуша, площадь; организация сюжетного материала в пределах ограниченного городского локуса (площадные сцены в романах Гюго и Достоевского); воздействие города на персонажей; город в творчестве писателя.

Особую тему составляют „предметы“, входящие в систему опосредованной характеристики персонажей, например, растения, животные. Не меньший интерес представляют неодушевленные предметы: сапоги, перчатки и т.д.

Следующая группа тем объединяет наиболее распространенные в мировой литературе национальные типы: поляк, русский, еврей, немец, англичанин, француз и т.д. Параллельно следует рассмотреть и входящие в нее темы, раскрывающие национальную специфику чувства патриотизма, чести, гостеприимства, мести. Иными словами: частное поведение персонажа выявляет своеобразие интерпретации этнических стереотипов. Отчасти близкий ассортимент образов-тем — профессиональные (солдат, офицер, слуга, куртизанка) и социальные (крестьянин, аристократ, рабочий, буржуа, „новый поляк“, „новый русский“).

Другим важным аспектом изучения структуры литературного явления становятся образы-идеи: пьянство, деньги, любовь, милосердие, патриотизм. История литературной интерпретации образов-идей — зона пересечения истории, философии и эстетики. Литература в этом аспекте становится популяризатором идей — морально-этических, эстетических, философских, политических, научных, которые в литературном произведении могут стать темами.

Особенно актуально для понимания литературного процесса XX века изучение литературных жанров, которые стали темами. Парадокс ситуации заключается в том, что культурная практика уже в XIX столетии разрушила рафинированную жанровую иерархию, однако память о жанрах перемещается в названия и структуру произведений (М. Павич *Хазарский словарь*, Х.Л. Борхес *Вавилонская библиотека*), тем самым актуализируется интерес к теме книги в литературном процессе.

Многие из названных аспектов изучения литератур были успешно апробированы, и поэтому следует наметить новые аспекты тематологического зондирования, которые в какой-то мере могут стать базовыми для создания сравни-

тельно-исторического тематологического каталога европейских литератур. В реферативном виде обозначенные аспекты тематологических штудий необходимо соотносить с самыми широкими задачами литературного анализа, вписать в контекст кардинальных проблем как понимания социокультурного контекста литературы, так и университетского преподавания словесности. Организующим началом предлагаемых ниже тезисов становятся поиски пересечений и различий между европейскими культурами.

Проблема восприятия художественного текста. Авторское представление о мире как парадигма философского поиска персонажей. Смысловая наполненность символического знака (образы города, дороги, времени и т.д.) в различных повествовательных дискурсах. Соотношение знаний о мире автора и персонажа. Вещный мир культуры: объектно-исчислимы знаки как трансцендентальные гарантии читательского понимания текста. Материальный быт и способы его комментирования в литературе. Поэтика антропологии: обнаружение человека в „сумерках” мифологических символов. Сюжетный мир произведения: процедура усечения безграничного мира до потребности фабулы. Композиция текста: проблемы первого слова и финала. Произведение как торжество автографии над биографией. Хронотоп текста и время читательского восприятия. Насилие над временем и пространством: сужение бесконечности мира до объема текста. Философские и моральные перспективы экспериментов с традиционными образами чувств. Компетентность автора и интеллектуальные возможности читателя.

Литература и национальные образы мира. Ландшафты национальной души на карте культуры: рифма как выражение пространственно-психологической совокупности национального мышления. Интеграция инокультурных моделей в систему образов национальной литератур (европейские Гамлеты, Фаусты, Растиньки, Анны Каренины и Маниловы). Рождение нового художественного видения: Данте, Сервантес, Пушкин, Мицкевич как „совокупность всего” и создатели поэтического тела культуры. Вечные образы литературы. Теория интертекстуальности. Аллюзия как тактический прием напоминания о прецеденте. Тема смерти и рождения в культуре. Коммерческая фабула искусства. Любовное объяснение как собрание метафорических эффектов. Литературный бестиарий. Трансформация аллегорических моделей культуры. Пейзаж: суггестивная артикуляция авторской идеи. Времена года в беллетристике. Тема безысходности ночи в романтизме. Весна как метафора рождения чувств. „Сумеречное” настроение в философских размышлениях персонажей. Сон в поэтической мифологии культуры. Великие литературные мистификации: к вопросу о „горящих” рукописях. Становление и разрушение культа книги. Романтики о полемике музыки, архитектуры и литературы: к проблеме книга и компьютер.

Психология художественного образа. Мизансценирование сюжетов любви, смерти, прозрения в различных повествовательных дискурсах. Тело героя: гротескные способы конструирования плотской чувственности. Физиологические аргументы психологизма, мотивы слепоты и немоты, феномен „видящего слушания” и „слушающего видения”. Взаимозаменяемость художественных моделей (ненависть — любовь; жизнь — смерть; обреченность — вдохновение). Инстинктивный жест героя как выражение тайного намерения. Метафорические знаки в создании телесных конфигураций лирического героя. Архаические и ин-

теллеktуальные формы чувственности. Сомнение в очевидности прекрасного и моральность безобразного в литературе.

Философия литературы. Символическая геральдика культуры и проблема конструирования телесной оболочки философской идеи. Произведение как эмансипированный от авторской воли мыслитель. Цена философских идей — моральная калькуляция поступков персонажей. Слово в поисках Бога. Символика имен литературных персонажей. Философская семантика невербальных знаков: об алгебре и гармонии искусства. Энциклопедия как скрытая полемика с Богом. Жанр эпитафии в мировой культуре. Спор Диониса и Аполлона — мифологические знаки сюжетов. Персонаж между утопией читательских представлений и диктатом авторских идей. Мотив возвращения к жизни: опыт смирения в различных эстетико-философских стилях. Преступление и наказание: повседневное представление и литературные модели. Литература как популяризатор философских идей. Философский авторитет автора и насилие над мыслью героя. Модель справедливости как форма морально-психологической реабилитации героя-идеолога. Ложные идеи героев и карательные действия авторов. Языковая тактика текста: создание образа явления, соразмерного метафизическому смыслу идеи. Вакхические образы словесности. Бражная тема литературы и способы художественной интерпретации экстатических состояний персонажей. Ритмика письма как способ сдерживания (расширения) диапазона видения мира.

Поэтика литературы. Риторические формы воплощения пластики. Языковое моделирование музыкальной эстетики. Многозначие как семантический намек на лауну в эротической фавле. Мир звуков литературы: типология „немых” и „озвученных” текстов. Литература как вербализованный образ живописи. Соотношение риторики персонажа и его жестового поведения. Автор как словесный ваятель пластических портретов героев. Текстовая графика как знак остановки дыхания мысли. Персонаж как актер: выбор между жестовой экономией и психологической экспрессией. Читательская аудитория и текст — уставший зритель и режиссер литературного конфликта. Философско-эстетический феномен аплодисментов. Образ актера в мировой литературе. Повествование как театрализованное действо. Особенности литературного диалога. Текст как сценическая интерпретация мировых конфликтов. Данность изображения и игра воображения: читатель и зритель. Эрос и Танатос в сюжетах танца литературных персонажей. Музыкальные жанры и повествовательное искусство. Нагота на сцене и в литературном произведении. Произведение как философский театр марионеток. Эволюция образа эксцентричного героя в литературе. Жестовый портрет аффектированных состояний героев. Акустические эксперименты словесности. Бог и природа как резонаторы идей.

Анализ различных интерпретаций тем позволяет определить общие принципы взаимоотношения культур, исследовать исторические типы художественного сознания, способы восприятия, сопряженные со сменой эпох и направлений в литературе. Основной задачей тематологического исследования является рассмотрение генезиса и движения определенных форм жанровой и сюжетной репрезентативности темы, а также реконструкция процесса закономерного возникновения тех или иных художественных решений. Тематологический анализ со всей очевидностью показывает, что историко-литературное представление формируется в сфере концепту-

альных знаков текста, а индивидуально-художественное отражается в ситуативных решениях, закрепляющих цельность и единство понимания феномена как автором, так и читателем.

Предложенные тезисы могут стать частью совместной российско-польской программы спецкурса „Национально-культурное своеобразие и интеграционные процессы в европейских литературах”, что позволит скоординировать совместные усилия ученых Польши, России и других европейских стран.